

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тата Шу
ДОВЕСОК

Тата Шу

Довесок

«Автор»

2026

Шу Т.

Довесок / Т. Шу — «Автор», 2026

Мир Серёжи был идеальным треугольником: мама, папа, бабушка и он в центре вселенной. Но в одно мгновение этот мир рассыпается в пыль. Оставшись с отцом, который пытается жить дальше, Серёжа превращается в колючего, озлобленного подростка, готового уничтожить любое напоминание о прошлом. Его ярость обретает имя, когда на пороге дома появляется «довесок» — чужая маленькая девочка, которая, как ему кажется, отнимает у него последнее. Казалось бы, сломанную судьбу не склеить. Но годы берут своё, а жизнь заставляет повзрослеть.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	10
Глава 4.	13
Глава 5.	15
Глава 6.	18
Глава 7.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Довесок

Глава 1.

Всё в семье Троицких было хорошо. Настолько хорошо, что, наверное, даже солнечные зайчики, просыпаясь по утрам в их доме, считали своим долгом заглянуть сначала в спальню к родителям, потом юркнуть в комнату к бабушке и напоследок устроить бешеную погоню по стене в детской, где на широкой кровати, раскинув руки и ноги, спал Серёжа.

Мама, папа, бабушка Света. Редкий, прочный треугольник, внутри которого Серёжа чувствовал себя центром вселенной. Мамины руки пахли сливочным маслом и свежей выпечкой, папины — бензином и одеколоном, а бабушкины — всегда лекарствами и чуть-чуть валерьянкой, от которой Серёжа почему-то сразу успокаивался.

Серёжа рос крепким, здоровым мальчишкой, в меру безобразником. Летом его на месяц, а то и на два отправляли в деревню к деду с бабушкой, родителям отца.

Папа с мамой имели свою фирму. «Создаём ваш уют», — было написано на их машинах. Работали они, как любил говорить папа, не покладая рук, чтобы их дети жили в достатке. К своим тридцати пяти Троицкие уже обзавелись тем самым домиком, о котором мечтали. У Серёжиных родителей у каждого была своя машина. Ну, кажется, все есть — живи и радуйся.

Но Егор и Ольга решили, что пора им завести второго ребенка.

Серёжа узнал об этом случайно. Он должен был уже спать, но вместо этого сидел на лестнице, ведущей на второй этаж, и сквозь деревянные балясины наблюдал за светом в гостиной. Оттуда доносились голоса.

- Да и хватит тебе, Лёля, работать, — говорил папа. Голос у него был мягкий, уговаривающий, каким он обычно просил маму испечь пирог или съездить на озеро. — Побудь теперь только мамой и любимой женой.

Бабушка Света, сидевшая в кресле с вязанием, согласно кивала:

- Правильно, Егор. Мы всю жизнь прожили в бедности. Так с моим Володькой и не решились второго завести. А у вас жизнь другая. В большом достатке. Да и у Оленьки моей скоро годы уйдут. Я рядом, помогу вырастить ещё одного внука.

Серёжа замер. Ещё одного? Зачем? Ему что, одному плохо? Он прикусил губу и на цыпочках уполз обратно в кровать, сделав вид, что спит, когда мама через полчаса зашла его проведать.

Прошло несколько месяцев. Серёжа пошёл в первый класс, и его мир расширился: теперь в нем были не только дом, бабушка и родители, но и строгая учительница, звонки и мальчишка Петька, с которым они дрались на переменах. Но самое главное изменение происходило дома.

Мамин живот рос. Сначала он был просто чуть-чуть круглым, потом стал напоминать мяч, спрятанный под платьем, а к весне превратился в настоящую гору. Серёжа с опаской косился на него. Иногда мама брала его руку и прикладывала к этому животу.

- Чувствуешь? — шептала она. — Это твой братик или сестрёнка с тобой здороваются.

Внутри что-то толкалось, слабо и глухо, как рыбка в аквариуме. Серёже становилось не по себе. А вдруг они его разлюбят? Ведь этого, из живота, они уже любят, а он? Он уже есть. Зачем им ещё один?

Пришло лето. Живот у мамы стал совсем огромным, и она почти не вставала с кровати. Запах пирогов из кухни исчез, его сменил резкий аптечный запах, который раньше был только от бабушкиных рук. Серёжу отправили к деду с бабушкой в деревню. Уезжал он с тяжёлым сердцем, но деревенское лето — оно быстро лечит: речка, рыбалка, парное молоко и дедовский

мотоцикл, на котором можно сидеть и крутить руль. Мама звонила по телефону, голос у неё был усталый, но ласковый. Она говорила, что скоро Серёжа приедет и увидит лучший подарок.

Из деревни он приехал с ними — с бабушкой и дедушкой, которые вдруг засобирались в город раньше срока. Ехали молча. Бабушка вытирала глаза платочком, дедушка курил в приоткрытое окно, и ветер выдувал пепел прямо Серёже в лицо. Сердце у мальчика колотилось где-то в горле.

Дома его встретила тишина. Не было слышно папиных шагов в кабинете, не играла тихая музыка в родительской комнате. В гостиной, на диване, сидел папа. Он был какой-то чужой: небритый, в мятой рубашке, с красными глазами. Рядом сидела бабушка Света и гладила его по руке.

Серёжа остановился на пороге.

Папа поднял на него глаза. Это был тяжелый, страшный взгляд.

- Сынок... иди сюда.

Серёжа подошел. Папа обнял его, прижал к себе так крепко, что стало трудно дышать. От папы пахло не бензином и одеколоном, а чем-то горьким и чужим.

- Мамы больше нет, сына, — сказал папа глухо, в самое ухо. — Она теперь... на небе. И твоя сестрёнка. Они обе теперь на небе.

Серёжа не сразу понял. Он стоял, вдавленный в отцовское плечо, и смотрел на пустой дверной проем, ведущий в родительскую спальню. Там было темно.

Как нет? Как это — нет? Разве она больше не выйдет оттуда, не улыбнется, не обнимет, не поцелует на ночь?

В ушах зашумело. Ему стало холодно, хотя в доме было душно. А потом в груди что-то кольнуло, остро и больно. Какая-то девчонка, которую он даже в глаза не видел, эта сестрёнка из маминого живота, которая так и не родилась, отняла у него маму.

Серёжа зажмурился и изо всех сил прижался к отцу, чтобы не расплакаться. Но слёзы все равно потекли — горячие, злые, первые в его жизни настоящие мужские слёзы. Мир, который был таким прочным и надёжным, раскололся на две половинки: на «до» и «после». И в этом новом, «после», мамы не было.

Глава 2.

Это «после» поселилось в их доме прочно. Оно не было похоже на грозу или бурю, которая приходит, шумит и уходит. Нет, «после» было тихим, вязким и серым. Оно заползало во все щели, ложилось тонким слоем пыли на мамино пианино, за которое никто больше не садился, оседало горьким запахом в папиных вещах, которые он неделями не менял, и пряталось в уголках бабушкиных глаз, которые теперь всегда были влажными.

Дом словно оглох. Раньше он звенел маминым смехом, стучал тарелками на кухне, пел по утрам радио. Теперь же в нём звучали только шаги — тяжёлые, медленные, словно каждый шаг давался с трудом. Бабушка Света шаркала тапками по паркету. Папины ботинки стучали каблуками резко и отрывисто, когда он входил или выходил. И были ещё Серёжины шаги — лёгкие, но осторожные, будто он боялся разбудить тишину.

Отец старался. Правда старался. Первое время он каждый вечер приходил к Серёже перед сном, садился на край кровати и гладил его по голове тяжелой ладонью. Спрашивал о школе, об уроках, о друзьях. Но Серёжа видел: папа здесь, а думает о другом. Глаза у папы были пустые, смотрели сквозь него, куда-то в стену, где висела их большая фотография — мама, папа и маленький Серёжа на руках у мамы. Тогда все ещё улыбались.

- Нормально, пап, — отвечал Серёжа на все вопросы.

- Ну, нормально — это хорошо, — кивал папа, целовал его в лоб и уходил к себе.

А потом отец стал приходиться реже. А потом и вовсе перестал. Дело их жизни, фирма, которую они строили вместе с мамой, не прощала отсутствия. Клиенты, стройки, договоры — все это требовало сил и постоянного присутствия. Папа уезжал рано утром, когда Серёжа ещё спал, и возвращался поздно ночью, когда Серёжа уже должен был спать. Иногда Серёжа не спал. Он лежал с открытыми глазами и слушал, как внизу открывается дверь, как папа тяжело проходит в гостиную, как наливает себе что-то в стакан и долго-долго молчит. Иногда ночью Серёжа просыпался от странных, приглушенных звуков. Он не сразу понял, что это папа плачет. Плачет так, чтобы никто не слышал.

Бабушка Света вела дом. Она готовила, убирала, ходила в магазин, проверяла у Серёжи уроки. Но делала всё это молча, без той привычной ворчливой ласки, которая была раньше. Серёжа замечал, как она иногда подолгу стоит у окна на кухне и смотрит на улицу. О чём она думала в эти минуты, он не знал. Только однажды, проходя мимо её комнаты, услышал обрывок разговора по телефону.

- ...боюсь я, Зинаида, — говорила бабушка тихо, почти шёпотом. — Дочки нет, а я тут кто? Тёща? Чужая в общем-то женщина. Егор молодой мужик. Он хоть мою Оленьку так любил, что и слов описать эту любовь нет, а ведь всё равно отгорюет, да новую бабу найдет. А та приберёт всё к своим рукам, родит ему своих детишек, и останется мой Серёжка нищим сиротой при живом отце.

Серёжа замер за дверью, босиком стоя на холодном полу. В груди что-то оборвалось и покатилося вниз, в живот, ледяным комком.

- Что ты, что ты, — продолжала бабушка. — Зять у меня хороший, спору нет. Не выгоняет. Пока. А дальше? Время-то лечит, говорят. Вылечится, женится... А мне куда? В мою однушку? Да и Серёжку жалко. Он и так сам не свой. Молчит всё время, в глаза не смотрит...

Серёжа не стал дослушивать. Он на цыпочках ушёл к себе, забрался под одеяло и долго лежал, глядя в потолок. Новая баба. Чужая тётка, которая придёт и заберёт всё. И папу заберёт. И дом. И его, Серёжу, сделает нищим сиротой. А ведь мама обещала, что всегда будет с ним. Мама обманула. Она ушла к этой... сестрѣнке. Из-за неё всё. Из-за девчонки, которая даже не родилась, мамы нет. И теперь придёт другая девчонка, уже взрослая, и заберёт все остальное.

С этой ночи что-то в Серёже сломалось. Или не сломалось, а затвердело. Превратилось в злой, колючий комок, который рос в груди и требовал выхода.

Он озлобился. Сначала незаметно, внутри, а потом это стало вылезать наружу.

В школе перестал отвечать на уроках. Сидел, уставившись в одну точку, и учительница только вздыхала: «Серёжа, Троицкий, ты с нами?» На переменах он больше не играл, а дрался. Без повода, без причины. Просто подходил к кому-нибудь из мальчишек и бил. Особенно если это был мальчишка, с которым рядом стояла девчонка. А если девчонка сама к нему подходила — Серёжа сжимал кулаки так, что костяшки белели.

- Троицкий, ты чего? — спросил его как-то Петька, с которым они раньше дрались понарошку, а теперь Серёжа разбил ему губу до крови.

- Ничего, — буркнул Серёжа и отвернулся.

Он и сам не мог объяснить, чего. Того, что внутри. Того, что не давало дышать. Той ненависти, которая поднималась в нём при виде любой женщины, любой девочки. Кроме бабушек. Своих двух бабушек — деревенскую, которая пахла молоком и сеном, и городскую бабу Свету, которая теперь смотрела на него с такой тоской, что Серёже хотелось убежать и спрятаться.

Директор школы вызывал отца. Папа приходил хмурый, усталый, слушал, кивал, обещал «поговорить». Дома он пытался. Садился напротив Серёжи и говорил:

- Сын, ну что происходит? Ты же не такой. Мама бы расстроилась.

Вот тут Серёжу прорывало.

- Не надо про маму! — кричал он, срывая голос. — Это ты виноват! Ты её уговорил! Ты хотел этого ребёнка! Из-за тебя её нет!

Папа бледнел, сжимал челюсти так, что желваки ходили под кожей, и молча уходил. Потому что сказать ему было нечего. Потому что Серёжа кричал правду. Ту самую, которую отец каждый день повторял сам себе, глядя на фотографию жены.

А бабушка Света стояла за дверью и беззвучно плакала, прижимая платок ко рту. Она видела, как внук, её светлый, ласковый Серёженька, превращается в злого, ошестившегося зверька. И не знала, как ему помочь. Не знала, что сделать, чтобы это «после» наконец-то отпустило их всех.

Прошёл год. Потом ещё один.

Время — удивительная штука. Оно не лечит, нет. Оно просто присыпает рану тонким слоем пыли, затягивает сверху плёнкой, чтобы не так кровоточило. И однажды ты просыпаясь и понимаешь, что можешь дышать, не задыхаясь.

В их доме это случилось незаметно.

Сначала бабушка перестала плакать по ночам. Вернее, Серёжа перестал слышать. Потом она снова начала включать на кухне радио — тихонько, фоном, чтобы не так одиноко было готовить. Потом в доме появились новые вещи — папа сам купил, без советчиков. Новый диван в гостиную, новый телевизор, большой, плоский, который вешался на стену. Мамин портрет остался в спальне у папы, но в гостиной его не было. Серёжа сначала искал глазами, потом привык.

Отец посвежел. Это слово Серёжа слышал от бабушки, когда та говорила с кем-то по телефону:

- Егор-то наш посвежел, вроде отходить начал.

И правда, папа снова стал бриться каждый день, перестал носить одну и ту же мятую рубашку. Запах горечи, который раньше от него исходил, сменился привычным одеколоном. Иногда он даже улыбался — правда, редко и как-то осторожно, будто проверял, имеет ли он на это право.

По субботам папа стал брать Серёжу с собой на стройки. Сажал в новую машину (старую он продал, сказал, что слишком много воспоминаний) и они ехали смотреть объекты. Серёжа сидел молча, смотрел в окно, слушал, как папа говорит по громкой связи с прорабами, с заказ-

чиками, с какими-то людьми, у которых были женские голоса. На этих голоса Серёжа реагировал сразу — сжимался, становился колючим, как ёж. Но папа говорил с ними сухо, по делу, и Серёжа понемногу отпускал.

Казалось бы, живи. Привыкай. Это и есть та самая новая жизнь, о которой все говорят.

Но Серёжа не умел жить в этой новой жизни. Он только делал вид.

Бабушкины разговоры по телефону никуда не делись. Просто теперь она говорила не шепотом, а обычным голосом, думая, что Серёжа не слышит или не понимает. Но он слышал. Он всегда слышал.

- Да нет пока никого, — говорила бабушка своей подруге Зинаиде. — Но я же вижу, Зина. Он в себя пришёл, мужик видный, при деньгах. Долго ли одному жить? Я вот думаю, может, уже и есть кто, просто не говорит. А зачем говорить? Стесняется или боится, что я Серёжку настрополю.

Серёжа замирал за дверью и слушал.

- Да что ж я, враг своему внуку? — вздыхала бабушка. — Я за него переживаю больше всех. А он, дурачок, учиться перестал. Способный же мальчишка, схватывает всё на лету. Учительница хвалила раньше, в пример ставила. А теперь... двойки, тройки, в дневнике одни замечания. Уроки не учит, на глаза учителям не попадается, сидит на задней парте и молчит. Или рисует что-то. Учительница говорит — рисует всё время какие-то страшные картинки. Дома, бомжи, собаки злые...

Глава 3.

Бабушка права была. Серёжа и правда перестал учиться. Не потому что не мог — потому что не хотел. Зачем? Кому это надо? Маме было надо. Мама радовалась его пятёркам, вешала рисунки на холодильник, хвалила. А теперь? Папе некогда, у папы стройки, объекты, новые контракты. Бабушка хвалит, но это не то. Бабушкина похвала — она какая-то тревожная, будто она боится, что если не похвалит, то Серёжа совсем развалится.

Рисунки у Серёжи и правда стали странные. Он и сам не замечал, как вместо танков и самолетиков, которые рисовал раньше, у него появлялись какие-то тёмные дома с пустыми окнами, одинокие фигуры под фонарями, кладбищенские ограды. Однажды он поймал себя на том, что рисует женщину. Просто женский силуэт, издалека. И не может дорисовать лицо. Потому что не помнит. Совсем не помнит мамино лицо. Только на фотографиях. А в голове — расплывчатое пятно.

Он скомкал лист и выбросил.

А потом в школе случилось очередное ЧП. Серёжа подрался с мальчишкой из параллельного класса. Сильно подрался — так, что тому чуть «скорую» не вызвали, но родители написали заявление директору. Мальчишка этот, Коля, сказал что-то про Серёжину семью. Что-то про то, что у Серёжи папа «бабник» и водит кого-то по ресторанам. Серёжа не стал выяснять, правда это или нет. Он просто бросился с кулаками.

Директор школы, Иван Петрович, вызвал отца. В этот раз разговор был коротким.

- Егор Михайлович, — разводил руками директор, разливая чай в кабинете. — Ну что я могу сделать? Мы с вами уже год бьемся. Мальчик способный, золотая голова, учителя в один голос говорят. Но характер... Характер невозможный. Драки, грубость, прогулы. Вы уж простите, но если так пойдет дальше, мы вынуждены будем ставить вопрос о... ну, вы понимаете.

Отец понимал. Он молча кивал, смотрел куда-то в стол, а потом доставал чековую книжку.

Директор мялся, отводил глаза, но чек принимал.

- Ну что вы, Егор Михайлович, не надо... Мы же не из-за этого... Хотя, конечно, спасибо. Мы как раз спортзал ремонтируем, ваша помощь очень кстати. Очень!

Серёжа стоял под дверью и слушал. Он уже знал эту песню. Деньги папы закрывали всё. Директору — на спортзал. Классному руководителю — на новые шторы в кабинет. Завучу — на поездку детей в театр. Папины деньги работали лучше любых уговоров и воспитательных бесед. Они просто затыкали рты.

- Всыпят ему дома, и ладно, — говорили в учительской. — А нам что? Нам ремонт нужен.

Серёжа ненавидел эти деньги. Ненавидел, что они могут всё. Ненавидел, что из-за них его не выгоняют, не наказывают по-настоящему, не заставляют меняться. Он может делать что хочет, и всё равно папа придёт, заплатит, и снова всё тихо.

- Ненавижу, — шептал Сережа по ночам в подушку. — Ненавижу эту жизнь. Ненавижу всех.

Но больше всего он ненавидел себя. Потому что где-то глубоко внутри, под коркой злости и боли, он понимал: мама бы не хотела видеть его таким. Мама бы плакала. Но мамы нет. А раз мамы нет, то и стараться незачем.

Вечерами, когда папа задерживался на работе, а бабушка смотрела свои сериалы, Серёжа сидел на подоконнике в своей комнате и смотрел на тропинку в саду. Он ждал, что однажды по этой тропинке придёт она. Мама. Скажет, что все это было ошибкой, что она жива, что просто уезжала далеко-далеко. Серёжа знал, что этого не случится. Но всё равно ждал. Потому что без этого ожидания жить было совсем нечем.

Вскоре грянул гром. Сначала Серёжа ничего не замечал. Пятый класс — это новая жизнь, новые учителя, новые предметы. История, география, биология. Столько всего, что можно было утонуть в учёбе и забыть обо всем. Но Серёжа не утопал. Он просто сидел на камне посреди этого моря и смотрел, как мимо проплывают чужие жизни.

А потом он обратил внимание на классную руководительницу.

Елена Викторовна, которая вела у них русский и литературу, вдруг начала меняться. Сначала Серёжа подумал, что она просто поправилась — мало ли, болела или пирожков объелась. Но потом смотреть стало страшно. Она поправлялась так же, как когда-то поправлялась мама. Тот же округлившийся живот, та же осторожная походка, те же счастливые глаза, когда она иногда клала руку на этот живот.

Класс загудел. Сначала шёпотом, потом в открытую. Кто-то сказал, что у неё муж есть, кто-то — что нет мужа, а просто так получилось. Серёжа не вслушивался в эти разговоры. Он просто смотрел на её живот и не мог отвести взгляд. Перед глазами вставало другое — мама в кресле, мама на диване, мамины руки, глядящие этот круглый живой шар. А потом — пустота.

Серёжа стал прогуливать её уроки. Не мог сидеть и смотреть. Не мог слушать её мягкий голос, который стал каким-то другим — успокоенным, глубоким, как у мамы перед тем, как всё случилось.

А потом Елена Викторовна ушла в декрет. В класс зашла новая — молоденькая, красивая, с большими серыми глазами и светлыми волосами, собранными в высокий хвост. Она немного стеснялась, поправляла очки и всё время улыбалась — не как учительница, а как старшая сестра, которая пришла поиграть с малышкой.

- Меня зовут Анна Леонидовна, — сказала она тонким голосом. — Я буду у вас вместо Елены Викторовны. Надеюсь, мы подружимся.

Класс зашумел, разглядывая новую. Мальчишки сразу оживились — красивая, молодая, не строгая. Девчонки зашептались, оценивая одежду, причёску, туфли. А Серёжа сидел и смотрел в окно. Ему было всё равно. Очередная тётка, которая будет учить его жить.

Анна Леонидовна оказалась не просто классной руководительницей. Она оказалась настырной.

Первые две недели она просто присматривалась, записывала что-то в свой блокнотик, улыбалась. А потом началось.

- Егор Михайлович? — звенел её голос в трубке, когда она звонила отцу. — Это снова Анна Леонидовна, классный руководитель Серёжи. Извините, что беспокою, но мне нужно с вами встретиться. Серёжа не хочет учиться. А может. Я вижу его работы — когда он включается, пишет лучше всех в классе. Но включается он раз в месяц. Остальное время сидит и молчит. Или рисует что-то странное. Вы не могли бы прийти?

Отец приходил. Сначала через силу, с неохотой, отрываясь от дел. Потом... Потом Серёжа заметил, что отец стал приезжать в школу чаще, чем требовалось. Задерживался после разговоров. Что-то обсуждал с Анной Леонидовной в коридоре. Однажды Серёжа выглянул в окно и увидел, как они стоят на школьном дворе — отец и эта училка — и о чём-то говорят, и отец улыбается. Не той осторожной улыбкой, которой улыбался последние годы, а нормальной, живой, какой улыбался только маме.

Серёжа отошёл от окна и сел на подоконник в коридоре. В груди снова заворочался тот самый колючий комочек.

А потом отец вдруг начал принимать активное участие в жизни класса. В классе, понимаете? Раньше он только деньги давал, чтобы откупиться. А тут вдруг сам, своими руками. В выходные приехал в школу с инструментами. Ремонтировал парты, чинил стулья, вешал полки. Анна Леонидовна стояла рядом, подавала ему шурупы, смеялась каким-то его шуткам. Серёжа стоял в дверях и смотрел.

- Сын! — окликнул его отец. — Иди сюда, помоги.

Серёжа развернулся и ушёл. Он до сих пор не мог понять, почему внутри всё кипит. Вроде бы ничего особенного. Ну, помогает школе. Ну, разговаривает с училкой. Ну и что? Но где-то на самом дне, там, где жила память о маме, зарождался холодный ужас.

Развязка наступила вечером.

Бабушка думала, что Серёжа спит. Он и правда лёг рано, сказав, что голова болит. Но не спал. Лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. А потом услышал, как внизу зазвонил телефон, и бабушкин голос зашелестел в трубку.

- Ой, Зина, привет, — говорила бабушка. — Да нет, не сплю ещё. А у меня новость, ты представляешь...

Серёжа бесшумно встал, подошёл к двери и приоткрыл её. Бабушка сидела в кресле в гостиной, спиной к лестнице, и говорила вполголоса:

- Егор-то собрался жениться. На классной руководительнице Серёжкиной. Анна Леонидовна. Да-да, на той самой, молоденькой. Всё сделал чин-чинарём, Зина. Познакомил нас. В ресторан ходили... нет, Серёжку не брали. Решили сначала самим пообщаться, а потом уж и мальчику сообщить.

У Серёжи перехватило дыхание. Он вцепился пальцами в дверной косяк.

- Красивая девушка, Зина, — продолжала бабушка. — Молодая, правда. Год всего как в школе работает. Но серьёзная. Правда с довеском. И беда у неё была, ох какая беда... Родители и сестра старшая с мужем в пожаре сгорели два года назад. Все погибли. А она осталась. И племянницу свою маленькую спасла. Василиса, четыре годика девочке. Воспитывает одна. Представляешь, Зина, никого у них не осталось, только друг у дружки.

Бабушка вздохнула.

- Егор говорит — хорошая девушка. Добрая, заботливая. И Серёжке, говорит, мать нужна. А у меня сердце не на месте. Мать, конечно, нужна. Но как он примет? Он же никого, кроме меня да бабки деревенской, не признаёт. А тут — чужая тётка в дом, да ещё и девчонка эта, Василиса. Четыре годика всего. Спокойный ребёнок, говорит Анна, но всё равно ж ребёнок. Своя дочка фактически. А наш Серёжка? Он же озверееет совсем.

Серёжа стоял и не дышал. В ушах шумело. Женится. На училке. На этой... с довеском. И девчонка какая-то будет. Четыре года. Мелкая. Которая будет жить в их доме, есть за их столом, называть папу «папа». А мамины вещи? А фотографии? Всё выкинут? И папа теперь будет любить эту училку?

Он тихо закрыл дверь, вернулся в кровать и натянул одеяло с головой. Лежал, смотрел в темноту и чувствовал, как внутри всё замерзает. Ледяная корка покрывала сердце слой за слоем.

Новая баба. Чужая тётка. И довесок. Мелкая девчонка, которая будет путаться под ногами и называть его маму... А мамы нет. Маму никто не заменит. Ни эта училка с серыми глазами, ни её племянница, ни кто-либо другой.

Серёжа сжал зубы так, что скулы свело. Он не знал, что будет делать. Но знал точно: он не примет их. Никогда. Пусть папа женится хоть на ста директорах, хоть на всех училках сразу. Для него мама умерла. И другой не будет.

А эти... эти пусть даже не подходят.

Глава 4.

В то воскресенье утром Серёжа проснулся от странного чувства. В доме было слишком тихо. Обычно по выходным бабушка уже гремела на кухне сковородками, папа возился в гараже или смотрел новости в гостиной. А тут — ни звука.

Серёжа спустился вниз и сразу всё понял.

На вешалке в прихожей висело чужое пальто. Маленькое, детское, с какими-то блестками на карманах. И чужая куртка. А из гостиной доносились голоса. Папин — оживленный, почти весёлый, и чей-то тонкий, знакомый.

- ...мы тут немножечко посидим, Васенька, а потом я тебе комнату покажу, — услышал Серёжа папин голос. — Хочешь, розовую? Или с бабочками?

Серёжа вошёл в гостиную.

Они сидели на новом диване — папа, Анна Леонидовна и маленькая девочка. Папа с училкой — рядышком, почти вплотную, как когда-то сидел с мамой. А девочка устроилась с краю и смотрела на Серёжу огромными зелёными глазами. Тонкие светлые волосы были заплетены в две тугие косички, перевязанные белыми резинками. Маленькая, худенькая, в нарядном платьице в цветочек и белых колготках. Она сидела тихо, как мышка, сложив руки на коленках, и только глазами хлопала — испуганно и любопытно одновременно.

- Серёжа! — папа встал, улыбаясь так широко, как не улыбался уже много лет. — Проснулся? А мы тут... знакомимся потихоньку. Иди сюда, сын.

Серёжа не двинулся с места. Он стоял в дверях, впившись взглядом в эту картину. Папа подошёл к нему, положил руку на плечо (Серёжа дернулся, но не ушёл) и подвёл к дивану.

- Познакомься, это Аня, ты её знаешь, — папа кивнул на училку. Та улыбнулась неуверенно, поправила волосы. — А это Василиса. Вася. Мы теперь... мы будем жить все вместе.

Девочка с косичками сползла с дивана и встала перед Серёжей, задрала голову. Она была такая маленькая, что Серёже пришлось смотреть на неё сверху вниз. Огромные зелёные глаза смотрели на него с каким-то странным выражением — будто она ждала от него чего-то важного.

- Здрастуй, — сказала девочка тоненьким голоском. Она немного шепелявила, не выговаривая «р». — Я Василиса.

Серёжа молчал.

Василиса постояла, подождала ответа, потом повернулась к его отцу и спросила, доверчиво глядя снизу вверх:

- Дядя Егор, а можно мне посмотреть мультики?

Серёжа вздрогнул. «Дядя Егор». Она называет его папу «дядя Егор». А должна бы... должна бы называть... Он не мог додумать эту мысль.

Папа наклонился к девочке, погладил её по голове:

- Можно, Васенька, можно. Только сначала познакомься как следует. — Он выпрямился и снова положил руку на Серёжино плечо. — Это мой сын, Серёжа. Вы теперь будете жить вместе в этом доме. Понимаешь, Вася? Серёжа — он теперь как старший брат для тебя. Он будет тебя защищать.

Василиса снова подняла глаза на Серёжу. В её зеленых глазах засветилась такая доверчивая, такая открытая надежда, будто она только и ждала всю свою короткую жизнь, чтобы у неё появился старший брат-защитник. Она улыбнулась — робко, одними уголками губ — и шагнула к нему ближе.

И тут Серёжу прорвало.

- Ты предатель! — закричал он, вырываясь из отцовской руки. Голос сорвался, зазвенел по всей гостиной. — Ты предал маму! Ты её забыл! Ты привёл в наш дом чужую тётку и... и эту... эту Ваську! Этот довесок.

Анна Леонидовна побелела и прижала руки к груди. Василиса замерла, её улыбка погасла, глаза стали огромными-преогромными, как два зелёных блюда. Она попятилась назад, к дивану, и спряталась за ноги тёти Ани, вцепившись маленькими пальчиками в её джинсы.

- Серёжа! — рявкнул отец. — Прекрати немедленно!

- Не прекращу! — Серёжа уже не контролировал себя. Слезы душили его, но он не плакал, он кричал, захлебываясь словами. — Мама умерла из-за тебя! А ты уже другую привёл! И эту... эту... — он ткнул пальцем в сторону Василисы, которая сжалась в комочек за тёткиными ногами. — Я её защищать не буду! Никогда! Слышишь? Никогда! Чтоб она сдохла, как мама!

- Замолчи! — отец схватил его за плечи и встряхнул так, что зубы лязгнули. — Как ты смеешь?!

Но Серёжа вывернулся, отскочил к двери и, уже выбегая, обернулся. Он успел увидеть лицо Анны Леонидовны — на нём был ужас, смешанный с жалостью, и это было хуже всего. И маленькую фигурку в цветочном платье, которая дрожала, прижимаясь к тёткиным ногам. Василиса смотрела на него своими глазищами, и в них стояли слёзы. Крупные, готовые упасть.

- Ненавижу! — крикнул Сережа напоследок и вылетел в коридор.

Он схватил первую попавшуюся куртку (свою ли, чужую — было всё равно), натянул кроссовки на босу ногу и выскочил на улицу. Хлопнула дверь, за ней — тишина. Только ветер шумел в голых ветках деревьев да где-то далеко лаяла собака.

Серёжа бежал по дороге, не разбирая пути. Слезы наконец полились — злые, солёные, обжигающие щёки на холодном ветру. В голове билась одна мысль: «Предатель. Предатель. Он её забыл. Он маму забыл. А эту Ваську... эту...»

Он бежал, пока не выдохся. Остановился у старого забора, схватился за штакетины руками и закричал в небо — громко, долго, пока не сел голос. А потом сполз по забору вниз, сел прямо на холодную землю и замер.

Из дома он ушёл. Но куда идти теперь? К бабушке в деревню? Далеко. Очень далеко. Денег нет. Телефона нет. Ничего нет.

Он сидел и смотрел на серое небо. А перед глазами стояли зелёные глаза той маленькой, которая смотрела на него с надеждой. И её тоненькое «здластвуй». И то, как она обрадовалась, что у неё будет старший брат.

Серёжа зажмурился и затряс головой.

- Не буду, — прошептал он в пустоту. — Никого не буду защищать. Никогда.

Но где-то глубоко внутри, под коркой льда и злости, что-то кольнуло. Как будто мамин голос шепнул: «Серёженька, ну как же ты так? Она же маленькая. Она же не виновата».

Он вскочил и побежал дальше, чтобы заглушить этот голос.

Глава 5.

Его нашли через три часа. Промокшего, продрогшего, с синими губами. Он сидел на скамейке в парке, сжимаясь от каждого порыва ветра, но домой идти не собирался. Папа обыскал весь район, объездил все дворы, а нашёл случайно — проезжал мимо парка и увидел знакомую куртку.

Серёжа не сопротивлялся, когда его загружали в машину. Не говорил ничего, когда везли домой. Молчал, когда бабушка всплескивала руками и тащила его в горячую ванну. Молчал, когда пил чай с малиной. Только смотрел в одну точку и жевал губы.

А ночью у него поднялась температура.

Три дня Серёжа лежал в горячечном бреде. Ему казалось, что он снова маленький, что мама сидит рядом, гладит по голове и поёт ту самую колыбельную, которую пела только ему. Он звал её, тянул руки, просыпался в мокрой от пота подушке и снова проваливался в тяжелый сон.

Бабушка не отходила от него. Папа приезжал с работы пораньше, сидел рядом, смотрел на бледное Серёжино лицо и молчал. Врач приходил каждый день, выписывал лекарства, говорил что-то про «нервное истощение» и «ослабленный иммунитет».

Анна Леонидовна с Василисой в доме не появлялись. Ни разу. Серёжа, даже в бреде, краем уха слышал обрывки разговоров: «Она понимает», «Не хочет травмировать», «Подождём, пока поправится». Эти слова вплетались в его лихорадочные сны, превращались в чудовищ, которые гнались за ним по бесконечному коридору.

Когда жар спал и Серёжа смог сидеть в постели, опираясь на подушки, бабушка, думая, что он дремлет, разговаривала по телефону с подругой. Серёжа прикрыл глаза и слушал.

- ...не знаем, что с ним и делать, Зина, — голос у бабушки был усталый, надломленный. — Совсем ведь от рук отобьётся. И без матери плохо, это понятно. Но и Анна... она же не плохая, Зин. Детей любит, видно. И на Серёжку нашего не обиделась. Звонила, спрашивала, как он. Говорит: «Ему нужно время привыкнуть к этой мысли, всё наладится». А я смотрю на него и не знаю... наладится ли?

Серёжа лежал с закрытыми глазами и чувствовал, как внутри снова закипает. Наладится? Ничего не наладится. Никогда.

Через три недели он вернулся в школу. Бабушка хотела проводить, но Серёжа отрезал: «Я сам». Надел форму, взял портфель и пошёл. В груди колотилось что-то тяжёлое, злое, готовое вырваться наружу.

Первый урок прошёл спокойно. Анны Леонидовны в классе не было. Пожилая учительница что-то бубнила про дроби. Второй урок — тоже. Серёжа сидел на задней парте, сжимал ручку так, что она хрустела, и ждал. Он сам не знал, чего ждёт. Но внутри горело.

Большая перемена. Столовая. Запах булок с повидлом и жидкого чая. Гул голосов, лязг подносов, смех. Серёжа стоял в очереди за компотом, когда увидел её.

Анна Леонидовна сидела за учительским столиком в углу. Одна. Перед ней стояла чашка чая и недоеденная ватрушка. Она что-то писала в тетради, поправляя выбившуюся прядь волос.

Серёжа смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Такая спокойная. Такая домашняя. Такая... живая. Вместо мамы.

Он не помнил, как взял стакан с компотом. Как сделал шаг, другой. Как подошел к её столику.

- Здравствуйте, Анна Леонидовна, — сказал он громко, на всю столовую.

Она подняла голову, улыбнулась растерянно, обрадованно:

- Серёжа! Ты уже вернулся? Как ты себя...

- А идите вы, — перебил он её, и голос его зазвенел. — Идите вы со своей Василисой туда, откуда пришли. Не нужны вы нам. Поняли? Ни вы, ни ваша племянница вонючая. Довесок. Чтоб вы сдохли, как моя мама сдохла!

В столовой стало тихо. Так тихо, что было слышно, как за окном чирикнул воробей. Все смотрели на него. Учителя замерли с открытыми ртами. Дети перестали жевать. Анна Леонидовна побелела так, что веснушки на носу стали видны отчётливо, как маковые зёрнышки. Губы её задрожали, но она не сказала ни слова.

И тогда Серёжа, не помня себя, размахнулся и запустил стакан в окно.

Звон разбитого стекла прозвучал как выстрел. Компот потёк по подоконнику, по батарее, по свежевыкрашенному подоконнику. Осколки брызнули в разные стороны, один упал прямо к ногам учительницы. Она даже не пошевелилась.

Кто-то завизжал. Кто-то побежал за директором. А Серёжа стоял, тяжело дыша, и смотрел на разбитое окно. Холодный воздух врвался в столовую, шевелил волосы, остужал пылающее лицо.

- Серёжа... — тихо сказала Анна Леонидовна. Только одно слово. В нём не было злости, не было обиды. Только боль. Такая глубокая, взрослая боль, которую дети видят, но не понимают.

Серёжа развернулся и пошёл к выходу. Расступились все. Даже старшеклассники шаркались в стороны, будто он был прокаженным.

Директор вызывал отца в тот же день. Но разговор был другим.

- Егор Михайлович, — Иван Петрович сидел за столом, сцепив пальцы в замок, и смотрел сурово. — Я понимаю всё: горе, потерю, сложный возраст. Но это уже перебор. Денег ваших мне не надо. Спортзал мы отремонтировали, спасибо. Но терпеть такое в школе я не могу. Оскорбление учителя при всех, битье стекол... У нас другие дети учатся. Вы уж извините.

Папа сидел напротив, мял в руках пачку сигарет и молчал.

- Что вы предлагаете? — спросил он наконец глухо.

- Я ничего не предлагаю, — развел руками директор. — Я ставлю вопрос о переводе. Либо вы сами забираете документы, либо мы вынуждены будем поставить вопрос об исключении. Сами понимаете, характеристика...

Домой отец вернулся поздно. Серёжа сидел в своей комнате и смотрел в стену. Он знал, что будет разговор. Ему было всё равно.

Отец вошёл без стука. Сел на край кровати, долго смотрел на сына. Потом заговорил — устало, без злости, без крика:

- Я всё понимаю, Серёжа. Про маму. Про то, что тебе больно. Я сам до сих пор... — Он замолчал, сглотнул. — Но так нельзя. Ты перешёл черту. Я не знаю, как с тобой справляться. Бабушка не справляется. Школа не справляется. Я не справляюсь.

Серёжа молчал.

- У меня есть друг, — продолжил отец. — Мы с ним с первого класса дружили. Он в военном училище преподавал, а теперь в кадетском корпусе работает. В другом городе. Хорошее заведение, дисциплина, порядок. Там учат не только наукам. Там учат быть мужчиной.

Серёжа повернул голову. В глазах — ни страха, ни удивления. Только пустота.

- Ты хочешь меня выгнать? — спросил он тихо.

- Я хочу тебя спасти, — ответил отец. — Пока ты себя не угробил. И пока других не угробил. Подумай. Через неделю поедем смотреть.

Он встал и вышел. А Серёжа так и остался сидеть, глядя в стену. В голове было пусто и холодно, как в той столовой после разбитого окна.

Через неделю они поехали. Кадетский корпус оказался большим серым зданием за высоким забором. Плац, флагшток, фигуры мальчишек в одинаковой форме, чеканящих шаг. Серёжа смотрел на них и не понимал — они что, добровольно на это согласились?

Отец говорил с каким-то полковником, показывал документы. Серёжа стоял в стороне и ждал. Ему было всё равно. Домой не хотелось. В школу — тем более. К отцу с его новой семьёй — никогда.

- Останешься? — спросил отец, подходя. — Попробуешь?

Серёжа пожал плечами.

- А если сбегу?

- Не сбежишь, — покачал головой отец. — Здесь не сбегают.

Он обнял Серёжу. Крепко, по-мужски, без лишних слов. Серёжа не ответил на объятие, но и не вырвался.

- Я буду приезжать, — сказал отец. — Ты только... ты держись, сын. Ты сильный. Мама бы тобой гордилась. Если бы ты стал настоящим мужчиной.

Он ушёл. А Серёжа остался стоять посреди плаца, и ветер трепал его волосы, и где-то далеко кричали мальчишки, строящиеся в шеренги. Новая жизнь начиналась. Какая — он не знал. Но хуже, чем была, наверное, уже не будет.

Или будет?

Глава 6.

Первое время было адом.

Серёжа думал, что знает, что такое тяжело. Он ошибался. То, что было раньше — домашние скандалы, драки в школе, одиночество в своей комнате — всё это оказалось цветочками по сравнению с кадетским корпусом.

Подъем в шесть утра. Зарядка на плацу в любую погоду. Ледяная вода в умывальниках. Форма, которая натирает шею. Странный запах казармы — смесь гуталина, хлорки и солдатского пота. И главное — постоянное, каждую секунду ощущение, что ты под прицелом. Командиры, старшекласники, воспитатели — все смотрят, все оценивают, все ждут, когда ты оступишься.

Серёжа оступался. И дрался.

Первые две недели он провёл в карцере три раза. Сначала за то, что не встал вовремя. Потом за то, что нагрубил старшине. А в третий раз — за драку с кадетом из параллельного взвода, который сказал что-то про «маменькиных сынков, которых сюда ссылают неисправимых».

- Ты про маму не смей! — заорал Серёжа и бросился с кулаками.

Били его потом всем взводом. Не по-злomu, а по правилам — чтобы знал устав, чтобы понял субординацию. Серёжа лежал на полу и разбитой губой чувствовал вкус крови и смотрел в потолок. Слез не было. Только глухая, тяжёлая злоба.

А ночью, когда все уснули, к нему подошёл сосед по койке, Сашка Корнеев. Молча сунул кусок хлеба с маслом и ушёл обратно. Серёжа хлеб не взял. Но запомнил.

Через месяц притирка начала заканчиваться. Не потому что Серёжа стал мягче, а потому что он понял: здесь или ты ломаешься, или учишься жить по-другому. Ломаться он не хотел.

Он слушал по ночам разговоры таких же мальчишек, как он сам. Истории у всех были похожие, но каждая — своя. У Сашки Корнеева отец бил и бил мать, Сашка сбежал из дома, его поймали и отправили сюда «на перевоспитание». У Витьки из пятого взвода родители развелись, поделили детей как вещи, и он оказался лишним. У Кости-молчуна, который вообще никогда не разговаривал, брат-близнец утонул прошлым летом, а Костя после этого замолчал на полгода.

Серёжа слушал и молчал. Он думал о своей маме. О том, что у него хотя бы была она. Пусть мало, пусть недолго. Пусть всё пошло прахом после её смерти. Но она была. Она его любила. Она его целовала на ночь. У некоторых из этих пацанов не было и этого.

«Стерпится — слюбится», — говорил старшина на вечерней поверке. Серёжа не верил. Но что-то внутри потихоньку отпусало.

Отец приезжал каждые две недели. Сначала Серёжа отворачивался к стене и не разговаривал. Потом стал отвечать односложно. Потом — садился напротив в комнате для свиданий и смотрел в окно, слушая отцовские новости.

- Бабушка передаёт привет, — говорил отец. — Пирожков хотела привезти, но здесь не разрешают.

- Ага.

- Как учёба?

- Нормально.

- Не обижают?

- Не обижают.

- Я тут тебе денег положил на счёт, купишь себе что-нибудь в буфете или магазине.

- Ага.

Разговоры были пустые, как консервная банка. Отец мялся, уходил, приезжал снова. А Серёжа всё смотрел в окно и думал: интересно, как там эта... Васька? Подросла уже, наверное. Или всё такая же мелкая с косичками? Теперь его отец любит её. А он здесь.

Он гнал эти мысли. Они ему никто. Ни эта девчонка, ни её тетка, ни даже тот ребёнок, который, наверное, уже родился или вот-вот родится. Серёжа специально не спрашивал, боялся услышать ответ. И отец молчал, словно чувствовал, что говорить об этом нельзя.

Прошёл год. Потом ещё один.

Серёжа вытянулся, раздался в плечах. Форма перестала быть чужой, стрижка — казаться позорной. Он научился маршировать, чистить оружие (пока учебное), терпеть боль и не показывать слабость. Учился он хорошо — способности никуда не делись, просто теперь их направили в нужное русло. Командиры уже не смотрели на него как на проблемного, а старшина однажды похлопал по плечу и сказал:

- Молодец, Троицкий. Из тебя толк выйдет.

Серёжа кивнул. Он уже знал, что из него выйдет толк. Он сам себе это пообещал. Ну и пусть эта новая жена и этот довесок Васька живут с его отцом. Пусть хоть всё состояние отпишут — ему плевать. Он сам себя сделает. Поступит в военное училище, станет офицером, будет жить своей жизнью. А они... они ему никто.

В очередной выходной приехали отец и бабушка. Вдвоём. Бабушка сразу всплеснула руками, заохала, запричитала:

- Серёженька! Вырос-то как! Настоящий мужчина! Дай я тебя обниму!

Серёжа дал обнять себя, терпеливо выслушал бабушкины причитания про то, как она скучает и что он домой не ездит. Потом перевел взгляд на отца. Тот стоял чуть поодаль, улыбался, но в глазах было что-то новое. Какая-то... усталость? Или счастье? Серёжа не мог разобрать.

- Садитесь, — сказал он, показывая на скамейку в комнате для свиданий. — Рассказывайте.

Бабушка села, затеребила платок. Отец кашлянул в кулак.

- Сын, у нас новость, — начал он осторожно. — Хорошая новость. У тебя... у нас пополнение в семье.

Серёжа замер. Внутри что-то оборвалось и покатило вниз.

- Максим родился, — быстро сказала бабушка, словно боялась, что Серёжа опять сорвётся. — Максимка. Два месяца уже. Здоровенький, крепенький. На тебя похож, когда маленький был.

Серёжа молчал. Смотрел в одну точку на стене. Брат. У него есть брат. Не Васька какая-то, а настоящий брат. От отца и этой... Анны.

- Серёж, ты как? — тихо спросил отец. — Ты только не молчи.

- А что я должен сказать? — голос у Серёжи был ровный, спокойный. Слишком спокойный. — Поздравляю. У вас новая семья. Новый сын. А я тут, в корпусе. Всё правильно.

Бабушка всхлипнула и прижала платок к глазам.

- Серёженька, ну что ты такое говоришь? Ты же наш, родной. И Максимка твой брат. Вы же одна кровь...

- У меня нет брата, — отрезал Серёжа. Встал. — Спасибо, что приехали. Мне на построение.

Он ушёл, не оборачиваясь. Шёл по коридору, чеканя шаг, и считал про себя: раз, два, раз, два. Чтобы не думать. Чтобы не чувствовать. Чтобы внутри не поднималась та самая волна, которую он научился сдерживать.

Максимка. Маленький, здоровенький. Наверное, Аня его качает, поёт колыбельные. А папа сидит рядом и смотрит счастливыми глазами. Как когда-то смотрел на него, Серёжу. Когда мама была жива.

Он зашёл в комнату, сел на койку и уставился в стену.

Приехать? Увидеть этого Максимку? Ни за что.

Каникулы Серёжа проводил в деревне у дедушки с бабушкой. Там было хорошо. Пахло сеном и коровами, дед учил его косить траву и чинить старый мотоцикл, бабушка кормила пирогами и не задавала лишних вопросов. Только иногда, когда Серёжа колол дрова во дворе или сидел на крыльце с книжкой, она уходила в дом и тихо говорила по телефону. Серёжа знал — с отцом. И невольно прислушивался.

- Егорушка, — говорила бабушка в трубку, поглядывая в окно на Серёжин силуэт. — Серёжка вытянулся, ест хорошо, деду помогает. Настоящий мужик растёт. А про вас начинаем говорить — замыкается сразу и молчит. Я и так, и сяк, а он молчит как рыба.

Пауза. Бабушка вздыхала.

- Сам себе не рад, поди... Дурости той вроде нет. А гордость, наверное, не дает к вам ехать. Да и стыдно, может, за своё поведение. Помнит всё. Ты не дави, Егорушка. Время нужно. Время всё лечит, говорят.

Серёжа отворачивался и смотрел на закат. Время лечит? Враньё. Ничего оно не лечит. Просто затягивает раны корочкой, а под корочкой всё болит так же, как в первый день.

- А как там Максимка растёт? — спрашивала бабушка, и Серёжа замирал. — Зубки режутся? Ой, маленький ещё... Ну передавай Анне привет, скажи, что я молюсь за них.

Максимка. Брат.

Серёжа втыкал топор в чурбан и уходил в лес. Подальше от разговоров, от вопросов, от этой жизни, которая продолжалась без него. Или он без неё. Он ещё не решил.

Одно он знал точно: в тот дом он не вернётся. Ни к отцу с его новой женой, ни к Ваське, которая наверняка уже выросла и бегаёт там, и к этому Максимке, который пока ещё ничего не понимает. Они там — своя семья. А он сам по себе. Он сам себе семья. И точка.

Глава 7.

Надо отдать должное Егору. Он, женившись во второй раз, поступил по-человечески. Бабушку Свету не бросил. Хотя многие мужики на его месте, наверное, обрадовались бы — съехала тёща, и ладно, меньше народу в доме, меньше проблем. Но Егор был не такой. Он помнил, как Светлана Владимировна помогала им с Ольгой, когда Серёжка маленький был, как сидела с внуком, пока они с Ольгой на работе пропадали, как дом на себе тянула. Не чужая она стала за столько лет, а родная.

Да и куда ей было идти? В её однокомнатную квартирку на окраине? Одной, старой, с большими ногами? Егор даже разговора такого не заводил. Просто сказал:

- Светлана Владимировна, ты наш человек. Живи с нами.

Анна поддержала, тоже молодец — не стала пилить, не стала ревновать к прошлому. Бабушка Света так и осталась в их большом доме. Нянчила Максимку, помогала с Васей по хозяйству, вела дом по старой памяти. И вроде бы всё устаканилось. Одна семья, два дома под одной крышей — прошлое и настоящее, соединившиеся ради детей.

Серёжа про всё это знал от бабушки. Она писала ему письма — длинные, подробные, на нескольких листочках мелким почерком. Про то, как Васька пошла в школу, как Максимка первые шаги сделал, как отец новую машину купил. И всегда в конце: «Серёженька, приезжай, мы все тебя ждём, скучаем». Серёжа письма читал, складывал в тумбочку и молчал. Не верил. Не мог поверить, что там, в том доме, его действительно ждут.

А потом случилось то, что случается всегда. Бабушка умерла.

Отец приехал за Серёжей в середине недели. Без звонка, без предупреждения — просто появился на проходной с красными глазами и осунувшимся лицом. Серёжа вышел на построение, увидел отца и сразу всё понял. У отца было такое лицо... такое, как в тот день, когда он сказал: «Мамы больше нет».

- Сын, — сказал Егор глухо. — Бабушка... бабушка Света умерла. Сердце. Вчера вечером.

Серёжа стоял и смотрел сквозь отца. Бабушка. Последняя ниточка. Последний человек, который помнил его маленьким, который знал его маму, который любил его просто так, без всяких условий. Которая писала ему письма и ждала, когда же он приедет.

- Когда похороны? — спросил он ровно.

- Завтра. Я за тобой. Начальник уже всё подписал.

Серёжа кивнул. Собрал вещи — быстро, молча, как учили. И поехал.

В машине молчали. Отец пару раз открывал рот, чтобы что-то сказать, и закрывал. Серёжа смотрел в окно на мелькающие деревья, на серое небо, на морозящий дождь. Бабушка не любила дождь. Говорила:

- Ноги ломит, Серёженька, к непогоде.

Теперь у неё ноги не будут ломить никогда.

В доме пахло горем. Этот запах Серёжа узнал бы из тысячи — смесь валерьянки, ладана и чего-то неуловимого, что остаётся, когда уходит близкий человек.

В гостиной стоял гроб. Бабушка лежала в нём маленькая, сморщенная, в нарядном платье, которое она берегла «на выход». Серёжа подошел, постоял, посмотрел. Не перекрестился, не заплакал. Просто смотрел на её руки, сложенные на груди, на знакомые морщинки, на седые волосы, уложенные в причёску.

Кто-то подошёл сзади. Серёжа обернулся. Рядом стояла Василиса. Она вытянулась за эти годы, уже не та мелкая козявка в косичках, а девчонка лет восьми — худая, длинноногая, с теми же огромными зелёными глазами. Глаза у неё сейчас были красные, опухшие, под носом размазаны слёзы. Она смотрела на Серёжу и шмыгала носом.

- Здравствуй, Серёжа, — сказала она тихо.

Серёжа кивнул, не говоря ни слова. Отвернулся обратно к гробу. Краем глаза видел, как Василиса постояла-постояла рядом, словно ждала чего-то, потом вздохнула и отошла к тётке Ане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.